

© 2024. Т. Г. Дубинина

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

**«Только ею... держится и движется жизнь»:
тема родительской любви в творчестве И. С. Тургенева**

Аннотация: В основе сюжета тургеневских повестей и романов обычно лежит духовно-проблемная ситуация, связанная с взаимоотношениями мужчины и женщины. Однако тема детско-родительских отношений занимает в творчестве писателя не менее значимое место. В ранних произведениях она зачастую решается на бытовом уровне, в виде заботы родителя о социализации своего ребенка, а иногда сопряжена и с мотивом родительской власти. Однако с конца 1850-х гг. в освещении темы родительской любви в творчестве писателя появляются интонации, связанные с признанием ее духовной природы. Все большее значение приобретают христианские мотивы — родительского благословения и молитвы о детях. Усиление подобных интонаций происходит и в более поздние годы, когда Тургенев включается в актуальную для того времени полемику о соотношении инстинктивного и нравственного, в том числе в детско-родительских отношениях, что захватывает у него даже и мир животных. В ряде поздних сочинений, обращаясь к зарисовкам из жизни птиц, писатель воссоздает ситуацию как будто бы инстинктивных проявлений заботы родителей о своих детях, но переводит их в план человеческого, что также свидетельствует у него о надприродном значении родительской любви.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, родительская любовь, семья, романы, «Стихотворения в прозе», нравственное, инстинктивное.

Информация об авторе: Татьяна Геннадьевна Дубинина, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-2546-0164>

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 02.03.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 11.04.2024

Дата публикации статьи: 25.06.2024

Для цитирования: Дубинина Т. Г. «Только ею... держится и движется жизнь»: тема родительской любви в творчестве И. С. Тургенева // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 112–125. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-112-125>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 112–125. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 112–125. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Tatiana G. Dubinina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“Only by It... Life Holds and Moves”: The Theme of Parental Love in I. S. Turgenev’s Works

Abstract: The plot of Turgenev’s novellas and novels typically explore complex situations related to the relationship between a man and a woman. However, the theme of child/parent relations occupies an equally significant place in the writer’s work. In early works, he often solves it at the household level, in the form of parental concern for the socialization of their child, and sometimes it is also associated with the motive of parental authority. However, since the late 1850s, Turgenev’s portrayal of parental love takes on spiritual dimensions. Christian motifs, such as parental blessings and prayers for children, are becoming increasingly important. The intensification of such intonations also occurs in later years, when Turgenev is involved in the polemics relevant for that time about the relationship between the instinctive and the moral, including in child-parent relations, which captures even the animal world from him. In some of his later works, inspired by observations of birds, the writer depicts parental care for their offspring and translates these behaviors to a human context, underscoring the supernatural significance of parental love.

Keywords: I. S. Turgenev, parental love, family, novels, “Prose Poems,” moral, instinctive.

Information about the author: Tatiana G. Dubinina, PhD in Philology, Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-2546-0164>

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru

Received: March 02, 2024

Approved after reviewing: April 11, 2024

Published: June 25, 2024

For citation: Dubinina, T. G. “Only by It... Life Holds and Moves”: The Theme of Parental Love in the Works of I. S. Turgenev.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 112–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-112-125>

Имя И. С. Тургенева в сознании и широкого круга читателей, и профессиональной аудитории тесно связано с темой любви. О «трагическом (или не только трагическом) значении любви» в повестях писателя существует основательный корпус работ [Бялый; Курляндская]. Любовь также является основной духовно-проблемной ситуацией в романах писателя [Батюто 2004; Недзвецкий]. Однако вопрос о любви семейной, любви родителей и детей в произведениях Тургенева долгое время оставался на периферии исследовательского внимания. В последние годы появились интересные работы о «семейной теме» в творчестве писателя. Убедительные статьи Е. Е. Кругловой [Круглова: 68–72] предлагают рассмотрение семейной темы в творчестве писателя в психоаналитическом ключе. Исследование Г. М. Уздеевой [Уздеева: 488–490] сосредоточено на изучении темы семьи в свете усадебного быта. В монографии М. А. Курбаковой [Курбакова] семейная тема соотнесена с биографией писателя. Исследователь предлагает и другие интересные наблюдения, например, о принципиально важном для писателя одиночестве сильных, волевых героев и о семейности героев второстепенных, «обывателей». Все это до некоторой степени верно, если семьей считать только супругов. М. А. Курбакова пишет также о доминирующем у Тургенева мотиве непонимания между поколениями, об одиночестве детей. Хотя нельзя не признать, что в творчестве писателя нередко возникают ситуации, когда именно родители оказываются опорой для своих детей — стараются понять, простить и даже спасти. Нельзя не согласиться с утверждением В. Г. Андреевой, что идея преемственности, проявляющаяся «в возможности гармоничного общения поколений», — одна из важнейших в тургеневском романе [Андреева: 380]. Зачастую именно любовь к ребенку становится основой нравственного перерождения и спасения не только детей, но и родителей.

Задача предлагаемой работы — проанализировать репрезентацию темы родительской любви в творчестве писателя и определить ее клю-

чевое значение у Тургенева — как непреходящей природной, социальной и прежде всего духовной связи, которая способна преодолевать даже, казалось бы, самые неразрешимые жизненные конфликты. Детско-родительские отношения автор статьи понимает широко — это не только кровные связи, но и пары типа «опекун-воспитанник», «свекр-невестка» и т.д.

В ранних текстах Тургенева тема теплых семейных отношений почти не возникает. Родительская любовь проявляется в бытовых, повседневных обязанностях. Например, когда возникает необходимость выдать дочь замуж («Параша», (1843), «Андрей Колосов», (1844)), зачастую под родительским давлением — естественно, из лучших побуждений. Таковы отношения в семье Тиходуевых («Два приятеля», 1854). Еще одна грань любви родителей — полное растворение в детях. Так, в рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» (1848) из «Записок охотника» главная героиня души не чаёт в племяннике — пошлом, ленивом и бездарном Андрюше Беловзорове. Тема любви «отцов» и «детей» профанируется, ведь с тех пор как племянник вернулся в поместье Татьяны Борисовны, к ней перестали ездить многие прежние знакомые.

Тема любви родителей и детей в раннем творчестве Тургенева имеет еще одну грань. Это их искреннее участие и возможная забота. Так, в рассказе «Два приятеля» отец и дочь Барсуковы привязаны друг к другу, позже старик-отец переезжает в новую семью дочери. В комедии «Нахлебник» (1848) дочь защищает отца, униженного обедневшего дворянина, от мужа — холодного и жесткого Елецкого. Однако пока тема семейной привязанности решается скорее в бытовом ключе, без акцента на духовной стороне взаимного или же только родительского чувства.

С конца 1850-х гг., с началом «новой манеры», тема детско-родительских отношений серьезно пересматривается писателем, в ней все явственней дают о себе знать не только формальные вещи, свойственные традиционным семейным отношениям и обязанностям, но и духовные смыслы. Отчасти этому способствует жанр романа, требующий более полной обрисовки героя, в том числе и его семейной истории. Имеет значение и биографический контекст — в 1850 г. скончалась В. П. Тургенева, очень любившая сына, несмотря на сложность их отношений. В том же 1850 г. Тургенев становится отцом в полном смысле этого слова — он принимает на себя все заботы о воспитании дочери.

В первом своем законченном романе «Рудин» (1856) писатель еще как будто ищет пути развития важной для него темы. Родительская любовь показана отчасти в прежнем ключе: как забота, как проявление власти (Дарья Михайловна и Наталья), или как бесконечное растворение в обожаемом ребенке (мать Рудина). Однако в тексте появляется важное утверждение: «<...>все матери любят своих детей <...>» [Тургенев 5: 245], что позволяет говорить о понимании любви родительской как неформального и во многом непреходящего чувства.

Следующим в ряду «семейных» романских текстов оказывается «Дворянское гнездо» (1859). В описании предков Лаврецкого есть эпизод, в котором идет речь об отце Лаврецкого, без разрешения родителей тайно женившегося на крепостной Маланье. От этого союза и родился Федор Лаврецкий. Его дед Петр Андреич Лаврецкий не принимает брак сына. Слышать о невестке Петр Андреич не хочет, но, узнав о рождении внука, смягчается. Уступая предсмертной просьбе жены, он вызывает их в имение. Тургенев подчеркивает, что при взгляде на ребенка героя «перевернуло».

Родительская любовь показана в романе не совсем традиционно — через отношения невестки и свекра. И хотя герой никогда не забывал о «низком» происхождении невестки, он со временем не просто привязался к ней, а даже «полюбил» ее. Смерть Маланьи глубоко его огорчила, и он завещал похоронить себя рядом с ней. Нельзя сказать, что приведенный эпизод является ключевым в структуре сюжета романа, однако он важен в «сердцеведческом» [Тургенев 12: 327] смысле. Благодаря этому эпизоду Петр Андреич в глазах читателя из сумасбродного барина превращается в человека с живой душой. Его любовь к внуку и Маланье действительно «переворачивает» героя, обнаруживая в нем лучшие качества. Возможно, она дает ему шанс на прощение земных ошибок, во всяком случае, он умирает примиренным с жизнью — смерть его была спокойной и тихой.

Теплое чувство свекра оказывается очень важным и для Маланьи. Это было почти незаметное существо, никто в доме не обращал на нее внимания, и никто не пожалел о смерти героини — кроме Петра Андреича. Его любовь спасает Маланью от посмертного забвения, от абсолютного одиночества.

В эпилоге романа появляются значимые христианские интонации: постаревший Лаврецкий с любовью и радостью следит за весельем мо-

лодежи и благословляет их: «...благословение нашего брата, старика, будет с вами» [Тургенев 6: 158]. Главному герою действительно удается исполнить свой долг до конца — он не только сумел отказаться «от своекорыстных целей», но и метафорически взял на себя роль заступника за «детей» — молодое поколение.

Представление о родительской любви как о чувстве, обнажающем лучшее в человеке и свидетельствующем о «соединяющих» началах, явлено в романе «Накануне» (1860). Главная героиня Елена Стахова тайно выходит замуж за безродного, почти нищего болгарина Дмитрия Инсарова и отправляется с ним на его Родину бороться за ее освобождение. Конечно, такой брак не может обрадовать ее родителей. Отец Елены, Николай Артемьевич, запрещает ей являться к ним на глаза, собирается поднять «историю», развести дочь с Инсаровым. Однако мать Елены, которую в начале романа представляют «курицей», женщиной, которую «жизнь перемолола», вдруг проявляет характер. Она твердо заявляет: «Я бы сама ни за что не согласилась на эту свадьбу, скорее умерла бы; да ведь сделанного не воротить, а я не дам позорить мою дочь» [Тургенев 6: 278]. И действительно улаживает дело — выдержав крайне неприятный разговор, она смогла убедить супруга смириться с выбором дочери. Между Еленой и Анной Васильевной до этого как будто не было тесной душевной связи. Но в тяжелой ситуации именно мать становится главной заступницей и поддержкой дочери. Отцовская любовь проявляется чуть позже, но с не меньшей силой. Ярый противник брака Елены и Инсарова, согласившийся не поднимать «истории» только за большие деньги, он неожиданно для всех появляется непосредственно перед отъездом молодых супругов. Николай Артемьевич привозит дочери образок — «последнее родительское благословение» [Тургенев 6: 283]. Сцена прощания отца и дочери написана необыкновенно трогательно — у Николая Артемьевича катятся слезы, дрожат руки, он пробует произнести «спич» — и не может. Светский ловкач, самолюбивый, эгоистичный человек исчезает — перед читателями появляется отец, бесконечно любящий свою дочь. После смерти Инсарова Елена пишет родным письмо, навсегда прощаясь с ними — героиня приняла решение ехать в Болгарию. Больше никаких сведений о ней родители не получают, но после заключения мира именно отец отправляется в Венецию и в Зару на поиски дочери (к сожалению, безуспешные). Читатель не узнает дальнейшей судьбы Елены, но семейные

связи не рвутся благодаря любви родителей, которая в конечном счете оказывается сильнее всего наносного в и Анне Васильевне, и в Николае Артемьевиче.

В 1860-х гг. тема «отцов и детей» обретает у Тургенева в том числе полемическую окраску. Интерес писателя к естественным наукам и современным достижениям философской мысли широко известен [Батюто, 1981: 465]. В 1860 г. выходит знаменитая статья Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», где автор пишет о тождестве человека и животного [Кузнецов: 367–372], в том числе и в вопросе родительской любви. Так, любовь наседки к цыплятам есть не кровное чувство, а результат ее заботы о потомстве. Точно так же родительская привязанность у людей связана с эгоистическим началом в человеке: «...человек любит прежде всего сам себя. Родители видят в детях результат своих забот о них...» [Чернышевский 7: 281]. Чернышевского не интересует духовно-нравственная сторона вопроса, животные и люди у него оказываются во власти природных инстинктов. У Тургенева любовь родителей, безусловно, тоже заложена самой природой, но в ней звучит и нечто надприродное, что очевидно невозможно объяснить только физиологией. А. И. Батюто [Батюто, 1981] верно отметил полемичность романа «Отцы и дети» (1862) по отношению к статье Чернышевского, которая выражалась в рассуждениях Базарова о том, что люди похожи на деревья в лесу. Однако, на наш взгляд, в романе можно говорить и о других полемических моментах по отношению к вышеупомянутому. Тургенев как будто разбивает общим строем своего романа основной тезис Чернышевского о том, что за родительской любовью не стоит усматривать ничего более глубокого, чем природное беспокойство о сохранении рода и продолжение себя в роде. У Тургенева же именно родительская любовь к детям рассматривается как чувство безусловное — всепрощающее, примиряющее и свидетельствующее о Богоприсутствии.

В свое время А. М. Бухарев верно отметил, что конфликт поколений в «Отцах и детях» Тургенева преодолевается «отсветом высшей Отеческой и Материнской любви» [Бухарев: 545]. Речь здесь идет о Божественной любви, которая выражается, прежде всего, через любовь родительскую, которой как бы закольцовывается роман [см.: Беляева: 2017]. «Отцы и дети» начинаются сценой ожидания отцом сына и завершаются «встречей» с сыном родителей Базарова на его могиле,

которая одна выделяется на фоне всеобщего запустения своим благобытийным видом.

Начало романа отмечено мотивом отцовской заботы и участия. Николай Кирсанов, выехав навстречу сыну, проводит на постоялом дворе «часов около пяти» в его ожидании. По дороге в Марьино он заводит с Аркадием разговор о деликатном и крайне важном для него предмете — Фенечке. Отцу важно, чтоб сын не считал его стареющим Дон Жуаном, а его отношения — «легкомысленной прихотью» [Тургенев 7: 23]. Николай Петрович хочет понять сына, новые интересы и взгляды молодежи. Не одобряя увлечения Аркадия нигилизмом, он, однако, прочитывает брошюру Бюхнера, предложенную сыном. А в откровенном разговоре с братом говорит: «...но мне, признаюсь, одно больно: я надеялся именно теперь тесно и дружески сойтись с Аркадием, а выходит, что я остался назади, он ушел вперед, и понять мы друг друга не можем» [Тургенев 7: 45]. Однако у него нет злости, обиды, желания доказать свою правоту. Ю. В. Лебедев точно отметил, что навстречу юношеской заносчивости Аркадия встает отцовская любовь, с ее «беззаветностью и снисхождением» [Лебедев: 140]. В Кирсанове-старшем достаточно любви, силы и мудрости, чтобы принять «нигилизм» Аркадия. Терпение и мудрость Николая Петровича оказываются вознаграждены: Аркадий, пережив увлечение «отрицательным направлением», возвращается в Марьино, помогает отцу вести хозяйство; имение, наконец, начинает приносить порядочный доход.

Тут уместно говорить о библейских аллюзиях — притче о блудном сыне [Габдуллина]. Аркадий, пройдя свой путь увлечений — сначала нигилизмом, потом «любовью» к Одинцовой — возвращается в Марьино другим человеком. Он пережил горечь неразделенного чувства, разлуку со своим «учителем» Базаровым, испытал настоящую любовь к Кате. У него есть дом, его ждет любящий отец. Не зря рассказ о Кирсановых завершается семейным торжеством, где всем присутствующим «в сущности очень хорошо» [Тургенев 7: 185]. Знаком принятия светлого и спокойного течения времени и смены поколений служит также имя, выбранное Аркадием для сына — Николай, в честь отца.

Христианские мотивы звучат и в эпилоге романа. «Страстное, грешное, бунтующее сердце» [Тургенев 7: 188] Базарова навсегда перестало биться, но у него есть надежда на «примирение и жизнь бесконечную» [Тургенев 7: 188]. Надежда появляется благодаря молитвам родителей —

их «святой, преданной» в сущности «всесильной» любви [Тургенев 7: 188]. Именно безграничная любовь родителей снимает трагическое звучание эпилога — у Базарова появляется шанс на бессмертие [Беляева 2018: 25–32]. Обратим внимание, что «святой», «всесильной» и «вечной» названа именно родительская любовь. Она осмысляется как основа мироустройства, как тот фундамент, на котором конфликт «отцов» и «детей» может быть преодолен. Всепрощающая любовь родителей оказывается теснейшим образом связана с понятием родительского долга. Она служит залогом прощения и спасения детей. В этой ипостаси она противопоставлена другим граням родительского чувства.

В «Дыме» (1867) картина родительской любви представлена контрастно и во многом драматически для двух героинь. Родители Ирины Ратмировой не то что не любят свою дочь, но возлагают на ее красоту определенные надежды — по выражению отца, она должна «вывести» обедневшее семейство. Ирина как послушная дочь осуществляет их ожидания и следует определенным социальным установкам, но на всю жизнь остается несчастной. Ей противопоставлена Татьяна, которую в самые тяжелые моменты хранит безусловная любовь тетки. Капитолина Марковна выступает своего рода хранительницей и для главного героя — она пытается удержать Литвинова от роковой ошибки — расставания с невестой. Добрая старушка «благословляет» героя, который после драматической развязки романа с Ириной «принес повинную голову» Татьяне. Можно сказать, что и в «Дыме» родительская любовь — основа и поддержка детей, а значит и основа жизни в целом. И в ней как бы ненавязчиво доминантным также оказывается тихий молитвенный опыт.

В романе «Новь» (1877) функцию «хранителей» будущих поколений, а значит и жизни, выполняют почти комические персонажи — Фимушка и Фомушка. Реализуется это двояко. Во-первых, они оказываются благодетелями для сестры Паклина — несчастной горбатой девушки Снандулии. Она горда, замкнута, почти зла, но, попадая в «оазис» к добрым супругам, как будто немного оттаивает. Во-вторых, эта функция реализуется метафорически — к Фимушке и Фомушке едут посмотреть на «век XVIII», поиронизировать над наивными старичками. Однако молодежь очаровывается их сердечностью, добротой и искренней любовью к людям. Уходя, молодые люди просят Фимушку «погадать» им на прощание. Характеристики, данные героям доброй старушкой, паразитально верны.

Мотив благословения «детей» находит свое воплощение в предсмертном письме Нежданова. Одобрив брак Марианны и Соломина, он несколько раз обращается к ним «дети мои» [Тургенев 7: 378], а себя называет стариком.

В «Рассказе отца Алексея» (1877) родительская любовь показана несколько иначе, речь в нем идет о трагическом, непреодолимом одиночестве «отцов» и «детей». Несмотря на взаимную любовь и доверительные отношения с сыном, отцу не удастся уберечь его от искушения, от душевных терзаний и мучительной смерти. Яков умирает не примиренным. Надежда на чудо прощения у отца Алексея остается: «Но не хочу я верить, чтобы господь стал судить его своим строгим судом...» [Тургенев 9: 131]. Если в финале романов речь идет о соединении героев, то в повести одиночество отца Алексея приобретает трагический характер, недаром его «печаль великая <...> не может пройти» [Тургенев 9: 132]. Любовь здесь способна дать надежду на прощение, но оказывается все же не в силах преодолеть разъединение людей. Так выражается, на наш взгляд, тургеневское сомнение в своих же художественных утверждениях: такова особенность поэтики писателя, идеи которого зачастую выражались «крайними гранями», оппозиционно по отношению друг к другу в разных жанрах.

В «Стихотворениях в прозе» — цикле, вмещающем почти все темы предыдущего творчества писателя, Тургенев не обходит и вопрос родительского чувства. И здесь он во многом полемизирует, но уже не с Чернышевским, а с Шопенгауэром. Традиционно философские основы «Стихотворений в прозе» связывают с трудами А. Шопенгауэра [Высокович: 410–423]. Однако работы В. М. Головки [Головки] и И. А. Беляевой [Беляева 2006: 39–45] убедительно доказывают, что писатель при безусловном интересе к размышлениям немецкого философа во многом принципиально с ним расходится. Вопрос о родительской любви и жертвенности также входит в этот ряд расхождений. В любви родительской Шопенгауэр видит, скорее, просто проявление инстинкта (с этой точки зрения человек и животное тождественны), а в заботе о потомстве Шопенгауэр усматривает проявление воли к жизни не индивидуума, но всего вида. Жизнь и смерть отдельного существа совершенно не значима для природы, животное спокойно выполняет свой родительский долг — и умирает. Можно с определенностью утверждать, что для Шопенгауэра любовь животных к потом-

ству — шаг навстречу смерти. У Тургенева же скорее обратная, чем у немецкого философа, зависимость — и человек, и животное есть часть природы, но не человек подобен животному с его инстинктами, а животное в проявлении любви ближе к человеку.

В лирической миниатюре «Воробей» (1878) герой становится свидетелем «любовного порыва» [Тургенев 10: 142] маленькой птицы, ринувшейся защищать свое детище от огромной собаки. Нечастный воробей очень боится, но им движет сила, которая «сильнее его воли», сильнее «громادного» [Тургенев 10: 142] Трезора, сила, заставляющая лирического героя «благоговеть» перед маленьким воробьем. В этом небольшом тексте писатель не противопоставляет животный инстинкт и любовь, а, скорее, сближает их, показывая, как одно органично связано с другим — воробья с дерева сбрасывает сила, от него не зависящая, а в размышлениях героя о законах движения жизни появляется лексема «любовь», которая здесь, как и в романе «Отцы и дети», оказывается «сильнее смерти и страха смерти» [Тургенев 10: 142].

Рассказ «Перепелка» (1883) продолжает это ряд. Герой вспоминает свое детство, случай на охоте. Его отец убивает перепелку, которая притворяется раненой, чтобы отвести собаку от гнезда с птенцами. В тексте несколько раз настойчиво подчеркивается, что несчастная птица погибает, исполняя свой долг защиты детенышей. Защищать птенцов — инстинкт, который сильнее страха перед собакой, да и перед самой смертью. Это происшествие производит огромное впечатление на маленького героя, он умоляет отца отозвать собаку, нашедшую гнездо. Затем он просит у отца убитую перепелку, бережно хоронит птицу рядом с ее домом, в котором остались птенцы. Ночью герой видит во сне убитую перепелку в золотом венчике — «будто <...> в награду за то, что она за своих детей пострадала!» [Тургенев 10: 121]. Золотой венчик перепелки может быть соотнесен с венцом мученика в христианской традиции — об этом говорит колороним «золотой». Материнский подвиг птицы открывает ей дорогу в бессмертие. Для писателя проявление родительской привязанности — это путь не в пустую бесконечность, но в мир вечности, освещенной любовью.

Повзрослев, герой отправляется на охоту с приятелем, и сюжет повторяется. Охотники попадают в матку, которая, однако, успевает отвести своих птенцов. Приятель героя пытается подманить их, он «отлично умел свистать, как свищут тетеревята» [Тургенев 10: 122].

Птенцы отзываются на его свист, но тут появляется тетерка — «Знать, не вытерпело материнское сердце!» [Тургенев 10: 122]. Она ранена, грудь ее в крови, но она спешит к охотникам, чтобы защитить детей. Герой жалеет птицу: хлопая в ладоши он, к немалой досаде приятеля, спугнул тетерку и ее выводок. Любовь птицы-матери побеждает смерть и заставляет героя не только отступить, но и переоценить свои увлечения — после этого случая ему становится «всё тяжелей и тяжелей <...> убивать и проливать кровь» [Тургенев10: 122].

Итак, тема родительской любви в творчестве Тургенева проходит серьезную трансформацию. В раннем творчестве писателя любовь родителей проявляется на уровне бытовых, ежедневных обязанностей, материальной поддержки, устройства браков. Однако в эпоху «новой манеры» писателя эта тема решается уже в духовно-нравственном ключе, осмысливается как основа для преодоления расколов, конфликтов и разобщений. Полемизируя с Чернышевским и революционными демократами о природе родительской любви, Тургенев уходит от понимания этого чувства как простого природного инстинкта. Любовь родительская уравнивает мир природы и мир людей — и там, и там, она побеждает смерть и дает шанс на «примирение и жизнь бесконечную».

Список литературы

Источники

Бухарев А. М. О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. М.: Издание книгопродавца Манухина, 1865. 635 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–2018.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Голслитиздат, 1939–1953.

Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011.

Исследования

Андреева В. Г. Преемственность поколений в романах Тургенева // Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский. Кострома: Костромской гос. ун-та, 2022. С. 375–405.

Батюто А. И. Комментарии: И. С. Тургенев «Отцы и дети» // *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 416–469.

Батюто А. И. Тургенев-романист // Избранные труды. СПб.: Нестор-история, 2004. С. 315–368.

Беляева И. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева: роман о «вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 49 (3). С. 7–14.

Беляева И. А. «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // Филологический класс. 2018. № 3 (53). С. 25–32. DOI: 10.26710/fk18-03-04

Беляева И. А. Тема «старческого» у Тургенева и Шопенгауэра // Спасский вестник. Тула: Гриф и К., 2006. Вып. 13. С. 39–45.

Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. Л.: Сов. писатель, 1962. 245 с.

Высокович К. О. Тургенев и Шопенгауэр // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. С. 410–423.

Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева: учебное пособие. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. 132 с.

Головкин В. М. Философский дискурс И. С. Тургенева как значимое целое. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. 250 с.

Круглова Е. Е. «Мать растила ... далекого сына себе»: биографические мифы о Тургеневе в свете психоаналитического изучения // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 3 (92). С. 68–72.

Кузнецов А. Н. Антропологический принцип в философии Н. Г. Чернышевского // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2002. Т. 5, № 3. С. 367–372.

Курбакова М. А. Концепция семьи в творчестве И. С. Тургенева. Семьянин или странник? М.: Научно-издательский центр Инфа-М, 2023. 221 с.

Курляндская Г. Б. Концепция любви в творчестве И. С. Тургенева // Спасский вестник. Тула: Гриф и К., 2005. Вып. 12. С. 6–14.

Лебедев Ю. В. Вехи жизни и творчества И. С. Тургенева. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2018. 212 с.

Недзвецкий В. А. И. С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя. М.: МГУ, 2011. 208 с.

Уздеева Г. М. Концепт «семья» как одна из форм реализации русской национальной ментальности (на материале произведений И. С. Тургенева) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 488–490.

References

Andreeva, V. G. “Preemstvennost’ pokolenii v romanakh Turgeneva” [“The Succession of Generations in Turgenev’s Novels”]. *Fenomen epicheskogo romana v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevskii* [The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2022, pp. 375–405. (In Russ.)

Batiuto, A. I. “Kommentarii: I. S. Turgenev ‘Ottsy i deti.’” [“Comments: I. S. Turgenev, ‘Fathers and Children.’”] Turgenev, I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.], vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 416–469. (In Russ.)

Batiuto, A. I. “Turgenev-romanist” [“Turgenev as a Novelist”]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2004, pp. 315–368. (In Russ.)

Beliaeva, I. A. “‘Ottsy i deti’ I. S. Turgeneva: roman o ‘vechnom primirenii’” [“Turgenev’s ‘Fathers and Sons’: A Novel About ‘Eternal Reconciliation.’”] *Filologicheskii klass*, no. 49 (3), 2017, pp. 7–14. (In Russ.)

Beliaeva, I. A. “‘Pomni moi poslednie tri slova’: k voprosu o strukture finalov v romanakh Turgeneva” [“‘Remember My Last Three Words’: To the Question of Structure of Turgenev’s Novel Finals”]. *Filologicheskii klass*, no. 3 (53), 2018, pp. 25–32. DOI: 10.26710/fk18-03-04 (In Russ.)

Beliaeva, I. A. “Tema ‘starcheskogo’ u Turgeneva i Schopengauera” [“The Theme of the ‘Senile’ in Turgenev and Schopengauer”]. *Spasskii vestnik [Spassky Bulletin]*, issue 13. Tula, Grif i K Publ., 2006, pp. 39–45. (In Russ.)

Bialyi, G. A. *Turgenev i russkii realizm [Turgenev and Russian Realism]*. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1962. 245 p. (In Russ.)

Vysokovich, K. O. “Turgenev i Schopengauer” [“Turgenev and Schopengauer”]. *Letniia shkola po russkoi literature*, vol. 12, 2016, pp. 410–423. (In Russ.)

Gabdullina, V. I. *Motiv bludnogo syna v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo i I. S. Turgeneva: uchebnoe posobie [The Motif of the Prodigal Son in the Works of I. S. Turgenev and F. M. Dostoevsky]*. Barnaul, Barnaul State Pedagogical University Publ., 2006. 132 p. (In Russ.)

Golovko, V. M. *Filosofskii diskurs I. S. Turgeneva kak znachimoe tseloe [I. S. Turgenev’s Philosophical Discourse as a Significant Whole]*. Stavropol, North-Caucasus Federal University, 2014. 250 p. (In Russ.)

Kruglova, E. E. “‘Mat’ rastila ... dalekogo syna sebe’: biograficheskie mify o Turgeneye v svete psikhoevaliticheskogo izucheniia” [“‘Mother Raised ... A Distant Son’: Biographical Myths About Turgenev in the Light of Psychoanalytic Study”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (92), 2021, pp. 68–72. (In Russ.)

Kuznetsov, A. N. “Antropologicheskii printsip v filosofii N. G. Chernyshevskogo” [“The Anthropological Principle in the Philosophy of N. G. Chernyshevsky”]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 5, no. 3, 2002, pp. 367–372. (In Russ.)

Kurbakova, M. A. *Kontseptsia sem’i v tvorchestve I. S. Turgeneva. Sem’ianin ili strannik? [The Concept of the Family in the Works of I. S. Turgenev. A Family Man or a Wanderer?]*. Moscow, Nauchno-izdatel’skii tsentr Infa-M Publ., 2023. 221 p. (In Russ.)

Kurliandskaia, G. B. “Kontseptsia liubvi v tvorchestve I. S. Turgeneva” [“The Concept of Love in the Works of I. S. Turgenev”]. *Spasskii vestnik [Spassky Bulletin]*, issue 12. Tula, Grif i K Publ., 2005, pp. 6–14. (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. *Vekhi zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva [Milestones in the Life and Work of I. S. Turgenev]*. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018. 212 p. (In Russ.)

Nedzvetskii, V. A. *I. S. Turgenev: logika tvorchestva i mentalitet geroia [I. S. Turgenev: The Logic of Creativity and the Mentality of the Hero]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2011. 208 p. (In Russ.)

Uzdeeva, G. M. “Kontsept ‘sem’ia’ kak odna iz form realizatsii russkoi natsional’noi mental’nosti (na materiale proizvedenii I. S. Turgeneva)” [“The Concept of ‘Family’ as One of the Forms of Implementation of National Mentality (Based on the Works of I. S. Turgenev)”]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniia*, no. 6 (103), 2023, pp. 488–490. (In Russ.)